

Этой ночью ему снятся сны о смерти и одиночестве, о том, как он стоит спиной к стене здания, бывшего когда-то административным центром Узушио, а вокруг него - Мизукаге и четверо лучших шиноби. Сны о мрачном и бледнолицем рыжеволосом мальчике, который смотрит на него с сожалением в глазах и гневом, кривящим рот.

"Рейзи", - говорит Наруто, сожалея о том, что его самого скручивает и выворачивает, потому что он знает этого чуунина, видел его с тетей Юи и считает вежливым, умным ребенком, хотя и тихим и сдержанным. "Рейзи, почему?"

Но Узумаки Рейзи не отвечает, и у Наруто нет времени, чтобы добиться от него ответа, потому что Мизукаге приближается.

Он сражается. Конечно, он сражается, но Мизукаге свеж и ему помогают джоунины, а Наруто сражается уже почти три дня подряд и совершенно один. Бои идут в доках и на улицах, тщательно выверенные, чтобы поразить самые уязвимые и необходимые места деревни - администрацию, командование, связь, медицину - и никаких шансов, что кто-нибудь из шиноби Узушио придет на помощь их Каге. Никакого шанса на спасение, когда Наруто уже чувствует, что даже его резервы Узумаки на дне.

В конце концов, он умирает.

И когда он падает, перерезая горло сзади, а кровь горячим потоком льется на кожу, золотые камни Узушио словно взлетают вверх и подхватывают его, обнимая тело, когда он приземляется. Это все еще тяжелый удар, но не такой сильный, как мог бы быть. Почти нет.

Мизукаге раздражается насмешливым смехом, хотя у него уже сильно течет кровь и он совсем запыхался. Со злобным остервенением он пинает глайв Наруто, и тот с грохотом падает на землю в недостижимом месте.

"Наша победа", - говорит мужчина, и мир Наруто погружается во тьму.

Но не полностью.

Если бы он не спал, то подумал бы, что это сон. Может быть, галлюцинацией. Но вокруг него - огромная скорбь, что-то нестарееющее и неприкосновенное, вросшее в камни Узушио, как печати, которыми она была создана. Потому что Узукаге Шодайме и другие основатели извлекли камень Узушио из моря, из земли в ее самой грубой форме, а затем добавили свои печати и создали целый город за один месяц. И печати остались, они живут и по сей день на улицах, стенах и домах, в фонтанах рыночного квартала и на волнообразных пирсах, присутствуют от одного конца Узушио до другого.

Обычно они бездействуют. Обычно они спят, молчат и почти забыты.

Но каждая крупная семья шиноби добавила свою кровь в сердце города, в ряд невероятно сложных, запутанных печатей, спрятанных глубоко под землей, которые удерживают Узушио вместе. Город знает их, узнает их кровь, и сегодня, вот уже три дня, эта кровь течет по улицам и скапливается в сточных канавах, когда умирают шиноби Узушио.

Кровь - это сила. Чакра - это сила, рожденная душой и сильная, и вот уже три поколения печати, создающие ее, связывают Узушио с тем и другим. И то, и другое в огромных количествах пролилось во время этого вторжения.

Этого достаточно. Искра, мерцание, и вокруг Наруто - дыхание, биение сердца, знание.

Дитя, - шепчет ему на ухо огромный, полный скорби голос.

Спи, - говорит она ему, пока тьма поднимается, как набегающая волна.

Спи. Город пал, люди разбежались, но твоя душа живет здесь.

Когда-нибудь, дитя, я позову тебя обратно, и ты придешь.

Ее прикосновение - это покой и безболезненность, комфорт и легкость, и на мгновение Наруто забывает о войне, печали и смерти, наступающей ему на пятки. Он закрывает глаза, опираясь на нагретые солнцем золотые камни, и думает о более счастливых временах, о Кагами и Саэхаре-сенсее, о своих товарищах Хару и Фую, о красных крышах, белом камне и золотисто-коричневых улицах под солнцем, о бурях, поднимающихся над морем и огромных в своей силе. Люди, моменты и достопримечательности, увиденные однажды, но навсегда запечатленные в памяти, крупницы человечности среди трагедии.

Я вернусь, - обещает он, даже когда совсем исчезает. Я вернусь к тебе.

Обещаю.

Этой ночью, когда ветер поднялся и зашептал в верхушках деревьев, когда луна проплыла между рваными облаками и залила своим восковым светом спящую деревню, Наруто открыл глаза в постели и сел.

Воздух дрожит, трепещет, поет. Кровь в его жилах пылает, как огонь, как лунный свет, как звездное сияние. Он напряжен и дрожит, готов бежать, но бежать не прочь, а в сторону.

Потому что на ветру раздается голос, не похожий на тот, который он слышал всю свою жизнь - мой, думает он теперь с некоторым удивлением. О, это всегда был я, не так ли? Я - Араши.

Араши - это я, но что-то более глубокое, огромное, подавляющее, когда оно, словно волна, накатывает на горизонт и разбивается о него беззвучным громом. Это голос, но так же, как солнце - звезда, - слово не настолько велико, чтобы охватить все, чем он является.

Вернись домой, - шепчет он, и даже этого достаточно, чтобы Наруто закричал, зажав уши руками. Пожалуйста, дитя мое. Я так долго ждал.

И Наруто вспоминает. Он помнит, как город пел под его ногами, как он гудел, жужжал и гудел жизнью, говорил без слов и чувствовал себя живым рядом с ним. И в детстве, и в юности, и сейчас, когда он стал Узукаге, он говорил с ним. Она говорила с ним.

Узушио зовет его домой.

"Наруто-кун?" спросил Хаку, сонный, но настороженный, приподнявшись на своем футоне в другой части маленькой комнаты. "Ты в порядке?"

Наруто смотрит на него, на этого мальчика без корней, без семьи, с тем будущим, которое он сам может построить кровью, потом и усилиями. Смотрит на него и думает: "А ведь в конечном счете мы одинаковые, не так ли?"

Отворачивается, выскальзывает из-под одеяла и тихо говорит: "Прости, Хаку, я скоро вернусь. Не жди меня". А потом вылетает в окно, даже не потрудившись переодеться в пижаму. Вышел и побежал, потому что из всего, что держит его в Конохе, только одна связь выкована как нерушимая, и сейчас она ему нужна.

(Но нерушимый или нет, может быть, он может растянуться).

Может быть, он хочет, чтобы она растянулась).

<http://tl.rulate.ru/book/105581/3754784>